

Е.К. Чхаидзе

«ОТРЕЗАННЫЙ ЛОМОТЬ», ИЛИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА ЭБАНОИДЗЕ

Частью художественной словесности советской эпохи являлось творчество писателей, соединивших традиции разных культур и национальных литератур. В практике современных гуманитарных исследований оно определяется как мультикультурное. Статья посвящена творчеству Александра Эбаноидзе, которое является репрезентативным образцом мультикультурной прозы, интегрирующим опыт родной грузинской культуры и культуры русской. Анализ его романов демонстрирует изменение идентичности писателя и установок поэтики от произведений советского периода, осмысляющих русско-грузинские отношения в категориях столица vs провинция, к постсоветским, в которых два в равной степени «своих» для автора культурных мира обособляются и вступают в конфронтацию.

Ключевые слова: мультикультурализм, писатель-мигрант, Александр Эбаноидзе, постсоветская литература, Россия, Грузия.

Современное российское литературоведение уделяет большое внимание писателям-эмигрантам, представителям русского зарубежья, но в значительно меньшей степени обращается к авторам-мигрантам, приехавшим в Россию из бывших советских республик, нерусским по происхождению или выросшим не в культурной орбите метрополии, однако пишущим на русском языке и участвующим в российском литературном процессе. Они существуют на стыке культур, родной этнической и усвоенной русской, формируя пласт гибридной, кросс-культурной или мультикультурной литературы.

Типичные черты ее проблематики и поэтики акцентирует, в частности, С.П. Толкачёв на материале английской кросскультурной словесности. Ученый относит к ним обращение к теме своих корней, рефлексии об оставленной родине, метафизическое колебание между центром и периферией, осознание собственной гибридности, пропускание через себя процесса креолизации, ощущение своей «инаковости», обращение к вопросам расового, этнического, языкового неравенства, «множественность голосов», отражающую установку на саморепрезентацию этносов и организующую хронотоп и сюжет, экзистенциально-психологическую насыщенность, определенную опытом мигранта. С.П. Толкачёв вслед за Хоми Бхабхой

подчеркивает, что в «мультикультурной» или «кросскультурной» литературе герой обладает переходной, двойственной, гибридизированной идентичностью, расположенной «где-то между», «над схваткой», и в состоянии транзитности отражает диалектику «общности – необщности», «принадлежности – непринадлежности» к той или иной нации [1].

Подобные черты автора-мигранта ярко воплощаются в творчестве Александра Луарсабовича Эбаноидзе (р. 1939). Лев Аннинский, ссылаясь на Андрея Битова, охарактеризовал его как блестящего русского прозаика и неотразимого грузинского писателя [2. С. 6]. В его творческом наследии романы и повести, написанные в советские и постсоветские времена, сценарии, публицистика [3], переводы с грузинского. Он, будучи редактором журнала «Дружба народов», является видным организатором литературной жизни современной России.

Элементы кросскультурности в творчестве А. Эбаноидзе справедливо акцентировал В. Липневич: «Слышу: непонятно, чей классик – грузинский, русский, московский? Да в чем проблема: и русский, и грузинский. Вон украинцы приватизировали Гоголя, ну и прекрасно. Из-за классиков воевать не будем. Тем более, как говорит одна из героинь романа «Ныне отпускаеши...», в России один хозяин – “строгий, неподкупный, справедливый. И знаете, кто это? Не Горбачев, не Ельцин, не Гаврила Попов. Это русская литература!”» [4. С. 179].

Писатель родился и провёл годы детства и юности в Грузии. По отцу он грузин, по матери, родившейся и жившей в Грузии, – поляк. Среднее образование А. Эбаноидзе получил в русском секторе грузинской школы в Тбилиси. Первым его родным языком является русский, язык общения в семье, вторым – грузинский. Высшее образование будущий писатель получил в Москве, где и началась его профессиональная карьера. Подобный переезд нельзя расценивать как миграцию в современном смысле, понимая под ней полную смену этнокультурной среды, в советской системе координат это, скорее, перемещение из провинции в столицу, причем интеллектуальной свободы в Грузии было даже больше (см., в частности, воспоминания А.Н. Беставашвили, переводчицы, литературоведа, публициста [5. С. 180–189]).

В Москве А. Эбаноидзе погружается в «промежуточное пространство» (Х. Бхабха) двух культур, взаимодействие которых в прозе писателя постоянно углубляется. Тенденции и соотношения

грузинской и русской тематики можно проследить в его романах: сюжет первого из них, «Брака по-имеретински» (1973, опубликован в 1976), полностью связан с Грузией, как и следующего – «...Где отчий дом» (1977, опубликован в 1982), но в более позднем «Ныне отпускаеши...» (1996) родине, переломным событиям в ее жизни рубежа 1980–1990-х гг., посвящена лишь часть авторского внимания, а роман «Предчувствие октября» (2012) можно и вовсе назвать «московским», грузинского материала в нем нет, только обобщенная характеристика историко-культурной травмы народов, которые столкнулись с мощью Империи. Эта эволюция отражает динамику креолизированной авторской идентичности, где первоначальная локальность со временем растворяется в надэтническом видении.

Закат грузинской сельской идиллии

В «Браке по-имеретински», близком по идейным установкам к прозе деревенщиков, реализовалась художественная рефлексия над судьбой патриархальной сельской провинции в эпоху больших городов, образцом которых становится, однако, не Москва, а Тбилиси. Сюжет романа основан на любовной коллизии, в которую попал художник-неудачник Ладو Инашвили, приехав в свое родное имеретинское селение к бабушке. Писатель рисует наполненные добрым юмором картины быта грузинской деревни. Причиной неприятностей главного героя послужила оторванность от родных мест и их патриархальной культуры. Живя в городе и учась в тбилисской художественной академии, он забыл о деревенских обычаях и нормах поведения. Он не раз публично выказывает знаки внимания понравившейся ему Нуце Ниорадзе, что для сельчан означает намерение жениться. Вразрез с местными законами и несмотря на искреннее чувство к девушке, Ладو, однако, отказывался от подобного шага, не приемля давления со стороны и оставляя только за собой решение такого важного вопроса, как женитьба.

Столкновение патриархальной традиции и современного индивидуального выбора, лежащее в фундаменте романа, сопровождается мотивами сельской закрытости, отвергающей чужаков, будь то городской житель или человек другой национальности. Так, бабушка Теброне, представитель старшего поколения, беспокоится о том, что, женившись на горожанке, её внук забудет родные места и оторвется от семейных корней [6. С. 149]. Старый житель имеретинского селения дед Касьян в особенности предупреждает Ладо об опас-

ности смешанного брака, расценивая его как своеобразную измену национальному Дому: «Женишься в своём Тбилиси – глядишь, и вовсе на русской женишься или на армянке и дорогу к нам забудешь. <...> Сказано: в доме у господина горниц много, но человеку один дом дан, Лад. На всей матушке-земле один» [6. С. 131].

В романе «...Где отчий дом!» А. Эбаноидзе рисует ситуацию уже не потенциальной угрозы для сельской идиллии, а ее действительно-го заката, знаменующего утрату корней. Сюжет романа разворачивается вокруг бывшего сельского жителя Джано Гачечиладзе, переехавшего из имеретинского села в Тбилиси. Случайная встреча с Полей Дрюнковой, бывшей невесткой, заставляет его вспомнить о происходившем в «отчем доме» три года назад, в августе 1979 г. В те дни вся большая семья собралась под родной крышей, где жила прикованная к постели их мать. Этот акт единения вызывает впоследствии неистребимую ностальгию, приобретая после трагической случайности, приведшей к смерти мужа Поли и брата героя Домения Гачечиладзе, необратимость. Семья превратилась в «инвалида с отрезанными руками» [7. С. 166]. Все разъехались.

В орбите этого разрушения оказываются и русские герои. Одна из них – Татьяна Махотина, курортница, приехавшая отдыхать в «Колхиду». Начальное представление о горце как о прямом, открытом, бесхитростном, без «наших интеллигентских комплексов» [7. С. 63] человеку традиций у неё со временем меняется. «Дитя асфальта», человек без корней [7. С. 10], она узнаёт, что и в Грузии, где традиционно чтили связь поколений, патриархальный отчий дом тоже уже не существует. Джано говорит: «Там всё по-старому. Но вернуться в тот дом невозможно. Да и не нужно» [7. С. 10]. Старая традиция большой крестьянской семьи, по мнению рассказчика, умерла тогда, когда не стало отца Домения и Джано. Об исчезновении старой деревни говорят и её жители: «Но нет той деревни. Всё! Кончилась!» [7. С. 97].

Другая русская женщина, Полина Дрюнкова, также черпала силы в уюте патриархальной грузинской семьи: «Что мне у грузин по душе, так это отношения между родственниками. Будь ты хоть седьмая вода на киселе, признают, облаcaют, и не как-нибудь, а тепло по-родственному» [7. С. 89] Несмотря на мнение своих русских подружек о грузинах как агрессивных людях, около неё был её тихоня-муж. Тяжело переживая разрыв с родиной, героиня со временем «огрузинилась» [7. С. 91], из Поли превратилась в Пело.

Деревенская тематика романов А. Эбаноидзе и мотивы разрушительного контакта с чужим миром, воплощенным в столичном Тбилиси, а затем и в выходах из России, истоком своим, очевидно, имела ностальгические чувства самого автора, существовавшего «в промежутке» между культурными мирами.

Конфликт идентичностей

На смену тематической парадигмы в творчестве писателя повлияли события рубежа 1980–1990-х гг., приведшие к распаду СССР. Для писателя постсоветская реальность потребовала найти ответы на вопросы о самоидентификации и позиции по отношению к кровавым противостояниям на территории Грузии (9 апреля 1989 г. в Тбилиси, абхазско-грузинская и грузино-южноосетинская война). Стремление выработать свой взгляд, не совпадающий с точкой зрения ни грузинского национализма, ни приверженца Империи, отразилось в первом постсоветском романе А. Эбаноидзе «Ныне отпускаеши...» (1994–1996).

Название романа В. Ермаков возводит к синкретичному библейско-модерному контексту: «"Ныне отпускаеши" заглавием своим отсылает к заупокойной молитве, порождённой разрешением Симеона Богоприимца от тяжести мёртвого времени. Но есть ещё одна скрытая библейская ассоциация, подтверждающая выбор заглавия. "Отпусти мой народ!" – этот спиричуэлс в записи Луи Армстронга странно вошёл в моду в начале 1990-х, волнуя перенасыщенные политическим мусором волны эфира. Отпусти на свободу. Что ж... встань (встань с колен) и иди» [8]. Роман-триптих стал первым произведением постсоветской русской литературы о кровавом столкновении центральной власти с жителями Грузии. Каждая часть имеет своё название: «Реквием. 18 декабря 1991 года», «Версия невменяемого. 20 декабря 1992 года», «На пепелище. 26 декабря 1991 года». Первая часть посвящена событиям 9 апреля 1989 г., вторая – маразму гражданской войны и хаосу грузинской жизни начала 1990-х гг., а третья является рефлексивным постскриптумом.

Главным героем романа становится журналист-грузин Лаврентий Оболадзе¹, проживающий в Москве и прилетевший в родной Тбилиси по заданию редактора сделать репортаж о столкновениях 9 апреля, или, иначе, «ночи сапёрных лопаток», разгона митингую-

¹ «Оболи» означает «сирота», следовательно, в переводе с грузинского Оболадзе – это «Сироткин».

щих жителей в центре Тбилиси войсками с применением бронетехники, сапёрных лопаток и ядовитого газа. Прототипом главного героя отчасти является сам автор. Датировано повествование 1991 г., моментом распада СССР. В отличие от предыдущих романов мы сталкиваемся с противопоставлением не провинции и столицы одной страны, а с конфликтом двух ранее родственных культурных и политических миров, в которых идеология равенства народов подверглась пересмотру из-за открыто агрессивных взаимных шагов. А. Эбаноидзе внимательно анализирует колебания героя между «старой» и «новой» родиной. Обращаясь к постколониальной терминологии, писатель отражает метафизическое колебание «гибрида» между колонией и метрополией. Главному герою нелегко в новом постсоветском мире, потому что он сформировался в «промежуточном пространстве» (Х. Бхабха) и обе культуры, русская и грузинская, для него «свои», так же как и для самого автора.

Грузия постепенно превращалась для Лаврентия Оболадзе, живущего в России, в страну «там», где ностальгическая идеализация сливалась с имперскими стереотипами: романтический край, где всегда весна и всё цветёт, а местные обитатели – добродушный, гостеприимный народ, который умеет произвести впечатление [9. С. 214]. Столкнувшись с реальностью, герой понимает, что современная Грузия – это народ-воин, решивший отстаивать свою независимость, а страна цветов превратилась в «страну сотен свечей» [9. С. 215].

Ситуация, в которой оказался Л. Оболадзе, противоречива. В начале романа писатель акцентирует, что жители Грузии для Лаврентия Оболадзе были «своими», но после событий 9 апреля стали воспринимать его как человека из России, «чужака». Близкий друг Арчил (Ачико) Бурдули называет Лаврентия «отрезанным ломтём», слишком долго прожившим вдали от родины. В нём видят агента Москвы, но не отвергают окончательно: его привилегия над другими «чужаками» состояла в том, что, по мнению местных жителей, он был способен донести правду о произошедшем кровопролитии, инициированном столичными властями. Мультикультурный герой осознает собственную «гибридность», но ему ясно и то, что миссия, которую на него возлагают, очень отличается от его реального предназначения.

Восприятие журналиста как чужака акцентируется и во второй части романа, например в реакции уборщицы, ставшей старухой в 40 лет из-за того, что её сына сожгли «как свинью» на вертеле [9.

С. 266–267, 271], после чего она оказалась в психбольнице. К журналисту из Москвы она отнеслась как к человеку со стороны. Она считала, что «сыновья издалека не ездят. В беде сыновья дома сидят...» [9. С. 266].

В шумной и грязной Москве, где Лаврентий ищет возможности вновь укорениться, за «своего» его тоже не считают, что становится очевидным в разговоре с редактором Анной Аркадьевной. Журналист рассказал ей о раскаявшемся солдате, участнике тбилисских событий 1989 г., который ушёл в монастырь, и получил в ответ такую отповедь: «Ты хороший, доброкачественный человек и, пожалуй, ни при каких обстоятельствах не превратишься в носорога. Но русской души тебе не понять...» [9. С. 249]

Под гнетом ностальгии и понимания своей чуждости [9. С. 251] герой начинает задумываться о кардинальном шаге, который он сделал в молодости, покинув Грузию. Отъезд был спровоцирован запретной любовью к двоюродной сестре Лу (Луизе). Расставание с возлюбленной и родиной сравнивается им с китайской казнью, когда к животу привязывали банку с мышью и она выгрызала внутренности [9. С. 382]. Рефлексия по поводу оставленной родины в конце романа вылилась в печальные выводы: «Похоже, я прогадал от такого обмена. Разорительный чейндж!» [9. С. 253]. По мнению героя, единственное, что он выиграл от перемены места, это поездки по миру, а взамен он приобрёл ощущение оторванности от почвы и стал «московским грузином».

Над схваткой: полифонизм романа

Характерной чертой мультикультурных произведений является положение героя «над схваткой», стремление занять дистанцированную независимую позицию. Лаврентий Оболадзе воспринимает происходящее как наблюдатель, что определено и его ролью журналиста, и ментальностью, отчужденной от агрессивно наступающей на него политики. Он не видит подлинного смысла в мотивациях людей, стремящихся к роли общественных лидеров, считает политику театром демагогов, ложью чиновников [9. С. 216]. Как наблюдатель, он предпочитает предоставить слово самим героям, по-своему осмысляющим происходящее. Романное «многоголосье» включает в себя видение старшего и младшего поколения, мнение горожан и сельчан.

Молодежь и горожане открыто демонстрируют стремление к государственной независимости и критикуют нынешнее промежуточ-

ное положение. Старшее поколение осторожничает и видит в новых веяниях происки империалистов: «Тьфу! Мировую политику делает, кретин» [9. С. 230]. Сельчане ратуют за сохранение прежнего порядка, более того, осуждают горожан, митингующих на улицах: «...что надо этим людям на улицах? Чего им не хватает? И кто за них работает, пока они на митингах разоряются?» [9. С. 230].

«Множественность голосов» А. Эбаноидзе реализуется не только в диалогах и рефлексии персонажей, но и в изображении коллективных сцен страха, паники, возникающих в момент опасности [9. С. 236].

Важным элементом этой полифонии является мнение женщин. В отличие от ранних романов в «Ныне отпускаеши...» женские образы связаны с социально-политическим миром. Они изображаются не в контексте мирной темы «дома», а в контексте темы «судьба родины». Двоюродная сестра главного героя романа Марика характеризует своё поколение как «испуганное»: «Нас вырастили испуганные матери. Мы испуганное поколение, и это уж не исправить. А они другие» [9. С. 233]. Она считает, что их поколение не имеет права запрещать молодым свободно выражать своё мнение. 1956 год, когда советская власть кроваво разогнала митинг в Тбилиси, стал моментом зарождения чувства испуга и страха в грузинском обществе. Со слов Арчила: «Марика права – мы испуганное поколение. Мы вспомнили пятьдесят шестой год и пошли туда – ведь и тогда всё произошло на этом самом месте, совсем рядом. Хоть жертвенник возводи. Некоторые обнадёживали себя: «сейчас не пятьдесят шестой год», – но помнили все. Потому что нас воспитали испуганные женщины. Они-то первые и прибежали туда» [9. С. 233].

В романе, так же как и в произведениях А. Эбаноидзе советского периода, обязательно присутствуют сюжеты, связанные с русскими в Грузии. Во второй части триптиха «Версия невменяемого. 20 декабря 1992 года», посвященной болезненным проявлениям национализма во время правления первого президента Грузии Звиада Гамсахурдиа, слепому поклонению лидеру, раболепствующим женщинам-фанаткам [9. С. 274–277], автор приводит мнение пожилой учительницы русского языка и литературы Устины Андреевны Коноплёвой, прообразом которой стала учительница самого писателя [9. С. 322–323]. Она восприняла господина О. (Оболадзе), предстающего здесь в ореоле кафкианского абсурда и общественной невменяемости, как

своего соотечественника: «Господин О., вот кому вы отдали страну! Вот кого призвали спасти отечество и оздоровить экономику!»

Из рассказа Устины Андреевны становится понятно, что Грузия, с одной стороны, – это её страна, и она переживает за всё вокруг, а с другой – она не видит Грузию вне поля России, считает невозможным разрыв многолетних связей. Ей хотелось, чтобы журналист из Москвы донёс «её» правду грузинам о том, что как бы тут не митинговали, но «всё решится там – в Москве. То есть в России. Будет там Свобода – будет и у вас тависуплеба, либирате и бривибас¹, окрепнет там демократия, окрепнет она здесь» [9. С. 322–324]. Она говорит о том, что порыв к свободе, национальное возрождение, историческая память заслуживают уважения, и ей как воспитаннице русской классики имперский шовинизм «во стократ гаже местного» [9. С. 322]. Пожилая учительница связывает политические неурядицы после распада СССР не с межнациональным противостоянием, а с переделом собственности и олигархическим захватом власти, как в Грузии, так и в России. Она призывает героя передать жителям Грузии, что нельзя биться в истерику и терять самообладание, тем самым присоединяясь к мнению Арчила и Марики о сдержанности.

Еще одной составляющей романного полифонизма становится обращение к истории, характерное для мультикультурной литературы и подразумевающее ассоциирование с ключевыми историческими фигурами или событиями обеих стран. В этом плане А. Эбаноидзе прибегает к юмору, переходящему в сарказм. Из исторических личностей «вчерашней власти» в романе появляется ожившая восковая фигура Лаврентия Берии, якобы крестного Лаврентия Оболадзе. Герой романа видит «родственника» во сне [9. С. 338].

В разговоре с Берией журналист узнаёт его мнение по поводу политических процессов, о Сталине, об изобретении атомной бомбы, о причинах ареста Тициана Табидзе [9. С. 347]. Кукла Берии говорит, что никого в доме не убивал и вызвал одного из «сиамских близнецов» (имеются в виду Тициан Табидзе и Паоло Яшвили), «Павле», потому что была получена информация о работе, якобы через Рыкова и Ломинадзе, Паоло на польскую разведку. Берия рассказал «Павле», что кое-кому нравится его рифмоплётство, что даёт основание отпустить и даже помочь с публикациями, если он расскажет о сообщниках по шпионажу на Польшу. Эбаноидзе изображает куклу Берия циником, относящемся с пренебрежением к поэтам [9. С. 349].

¹ «Свобода» на грузинском, молдавском и латышском языках.

«Сегодняшняя» власть Грузии, представляющая период 1989–1991 гг., вырисовывается автором с не меньшей долей сарказма. Например, изображается партия традиционалистов, которая говорит о достижении независимости, которую следует подкрепить экономически. Способом подкрепления они видят туризм, в основе которого будет стоять ЖЕНЩИНА. Она будет обслуживать туристов и обеспечивать гостеприимство [9. С. 274]. Грузинки для такой роли не годились, так как нельзя было осквернять образ женщины-матери, хранительницы очага. Необходимы были «разноплеменные» женщины.

Критически относится писатель и к тенденции постоянного поиска врага в лице России. Как смешную иллюстрацию ее вводит он новеллу о тёщиных курах, поражённых чумой, в чём также обвиняли Россию [9. С. 292]; им высмеивается неадекватный подход к аристократии, к грузинским князьям, которые вывели фрукт «мандакос» [9. С. 298–299], смесь мандарина с кокосом, и планируют на нём разбогатеть. Карикатурно изображается женский батальон «Синие чулки», поддерживавший «лидера» нации Звиада Гамсахурдиа [9. С. 331]. Его командир, Гюли из Ушгули, утверждает, что «там», подразумевая Россию, завидуют молодости лидера, его красоте, образованности и любви народа. Она рассказала, что одна из женщин опередила других: обручилась с памятником «лидера». Другие блюдут девственность для Звиада.

Юмористические описания занимают небольшую часть текста, но дают передохнуть читателю от цепочки горьких сюжетов, от «судеб маленькой усталой страны, захлёбывающейся в историческом водовороте» [9. С. 297].

Поиски иной идентичности

В романе «Ныне отпускаеши...» стремление вернуться на родину, актуализировать свою изначальную идентичность закончилось для героя неудачей. Страна «там» оказалась эфемерной, всё изменилось. С годами Грузия начинает занимать всё меньшее место в прозе А. Эбаноидзе, что объясняется и растущим дистанцированием культур, и исчерпанностью для писателя темы национализма. В «московском» романе «Предчувствие октября» Грузия представлена лишь косвенно, в лице грузинского писателя. Автор описывает разговор в Центральном доме литераторов трех собеседников о русской душе, типичный для интеллигентской среды. Один из них, Гурам Авалиа-

ни, прототипом которого является грузинский литератор Гурам Асатиани, говорит следующее: «Битый час внушаю этому человеку, что вам, русским, надо наконец понять себя, вникнуть в корень, уяснить свою душу. <...> В Будапешт с танками! В Прагу – с танками! Теперь в Кабул опять с танками! Чуть что вперёд! Броня крепка и танки наши быстры! Сила есть ума не надо! Вам бы лелеять свою нежную есенинскую душу. У вас такая трогательная есенинская душа, хрупкая и красивая, как ромашка. Вы ведь не только Кабул и Прагу, вы свою душу давите теми гусеницами...» [10. С. 81–82]. Окружающие, краем уха услышавшие детали беседы, предпочли удалиться подальше от ее участников, дабы избежать возможных подозрений в их поддержке.

Таким образом, творчество А. Эбаноидзе ярко отражает динамику идентичности мультикультурного автора советской эпохи, вынужденного актуализировать в условиях национальных конфронтаций отдельные этнокультурные составляющие своей гибридности.

Литература

1. Толкачев С.П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросскультурная английская литература [Электронный ресурс] // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 1. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature/
2. Аннинский Л. Завет богоприимца // Эбаноидзе А. Брак по-имеретински: романы. М.: Изд. дом «Хроникер», 2001. С. 5-14.
3. Эбаноидзе А. Трудное усилие возрождения: Из опыта Грузии в минувшем десятилетии. 1989–1999. М.: Ключ, 1999. 128 с.
4. Липневич В. Энкиду не возвращается // Новый мир. 2002. № 11. С. 178–183.
5. Воспоминания о Литературном институте / сост. и ред. Б.Н. Тарасов, С.В. Молчанова и др. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2008. Кн. 2. 854 с.
6. Эбаноидзе А. Брак по-имеретински: романы. М.: Изд. дом «Хроникер», 2001. 399 с.
7. Эбаноидзе А. ...Где отчий дом // Дружба народов. 1982. № 5. С. 129–169.
8. Ермаков В. Исход через безысходность // Лит. газ. 2002. № 14.
9. Эбаноидзе А. Ныне отпускаеши // Эбаноидзе А. Брак по-имеретински: романы. М., 2001. С. 211–389.
10. Эбаноидзе А. Предчувствие октября // Дружба народов. 2012. № 9. С. 7–114.

Chkhaidze, Elena K. Ruhr University (Bochum, Germany). E-mail: elena.chkhaidze@rub.de

“A CUT-OFF CHUNK”, OR MULTICULTURALISM IN THE WORKS OF ALEXANDER EBANOIDZE

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2016, 2(6), pp. 81–93. DOI: 10.17223/24099554/6/5

Keywords: multiculturalism, immigrant writer, Alexander Ebanoidze, post-Soviet literature, Russia, Georgia.

Part of the Soviet era fiction was works of writers that combined traditions of different cultures and national literatures. The practice of modern humanities research defines such works as multicultural. The works of Alexander Ebanoidze are a representative example of multicultural fiction, integrating the experience of the native Georgian culture and the Russian culture. The analysis of his novels shows a change in the identity of the writer and in the orientation of his poetics from works of the Soviet period, which conceptualized the Russian-Georgian relations through the capital vs province category, to post-Soviet works, in which two cultural worlds, equally “native” for the author, are isolated and confronted.

Brak po-imeretinski [Marriage in Imereti] (1977), ideologically close to the prose of the village writers, expressed the artistic reflection on the fate of the Georgian village in the era of big cities. The clash of the patriarchal tradition and the modern individual choice the novel is based on the motifs of the closed nature of villagers that rejects outsiders. In the novel ...*Gde ottchiy dom* [. . . Where the paternal house is] (1982), A. Ebanoidze draws the situation of the real decline of the rural idyll, which indicates the loss of roots, not a potential threat to it.

The change in the writer’s thematic paradigm was influenced by the events of the late 1980s – early 1990s which led to the collapse of the USSR. The desire to develop his view, different from the points of view of both Georgian nationalism and the Empire supporters, was reflected in A. Ebanoidze’s first post-Soviet novel *Nyne otpustchaeshy* [Nunc Dimittis] (1994–1996). His character Lavrentiy Oboladze perceives what is happening as an observer, which is determined by his role of a journalist and by mentality alienated from the politics aggressively advancing towards him. He prefers to give the characters a chance to speak themselves, they conceptualize what is happening in their own way. The novel “polyphony” includes a vision of the older and younger generations, opinions of townspeople and villagers, the Georgians and the Russians, reference to the heroes of the Soviet (Beria) history and of the present (Zviad Gamsakhurdia).

Over the years, the prose of Ebanoidze has fewer mentions of Georgia, which is explained by the growing distancing of the cultures and the exhaustion of the nationalist theme for the writer. In the “Moscow” novel *Predtchuvstviye okt’abrya* [Premonition of October] (2012), Georgia is represented only indirectly, in the person of the writer Guram Avaliani who generally speaks about the historical and cultural trauma of the nations that faced the might of the Empire.

References

1. Tolkachev, S.P. (2013) Multiculturalism in Post-colonial Space and Cross-cultural English Literature. *Information and Humanities portal “Knowledge. Understanding. Skill”*. 1. [Online] Available from: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature/. (In Russian).
2. Anninskiy, L. (2001) Zavet bogopriimtsa [Testament by God-Receiver]. In: Ebanoidze, A. *Brak po-imeretinski: romany* [Marriage in Imereti: novels]. Moscow: Khroniker.
3. Ebanoidze, A. (1999) *Trudnoe usilie vrozozhdeniya. Iz opyta Gruzii v minuvshem desyatiletii. 1989–1999* [Hard revival effort. From the experience of Georgia in the past decade. 1989–1999]. Moscow: Klyuch.
4. Lipnevich, V. (2002) Enkidu ne vozvrashchaetsya [Enkidu does not return]. *Novyy mir*. 11. pp. 178–183.

5. Tarasov, B.N. & Molchanova, S.V. (eds) (2008) *Vospominaniya o Literaturnom institute* [Memories of the Literary Institute]. Vol. 2. Moscow: Literary Institute named after A.M. Gorky.
6. Ebanoidze, A. (2001) *Brak po-imeretinski: romany* [Marriage in Imereti: novels]. Moscow: Khroniker.
7. Ebanoidze, A. (1982) ...Gde otchiy dom [. . . Where the paternal house is]. *Druzhba narodov*. 5. pp. 129–169.
8. Yermakov, V. (2002) Iskhod cherez bezyskhodnost' [The outcome through hopelessness]. *Literaturnaya gazeta*. 14.
9. Ebanoidze, A. (2001) Nyne otpusshchaeshy [Nunc Dimittis]. In: Ebanoidze, A. *Brak po-imeretinski: romany* [Marriage in Imereti: novels]. Moscow: Khroniker.
10. Ebanoidze, A. (2012) Predchuvstviye okt'abrya [Premonition of October]. *Druzhba narodov*. 9. pp. 7–114.